

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-116-119

**ИМПЛИЦИТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕПЛИКИ
В СВЕТЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ФОРМ МЫШЛЕНИЯ**

Кудряшов Игорь Александрович, доктор филологических наук, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, igalk@mail.ru

В статье анализируется имплицитное содержание, носителем которого является стимулирующее или реагирующее высказывание. Это содержание принадлежит диалогическому дискурсу в целом, так как прагматическим условием его существования является использование высказывания в контексте спонтанного диалога. Имплицитность высказывания характерна для диалога, а логические взаимосвязи между диалогическими репликами преимущественно не получают эксплицитного выражения, а семантика высказывания является результатом его смыслового соотношения с одним из последующих или предшествующих высказываний.

Ключевые слова: диалогическая коммуникация, имплицитность, семантические формы мышления

**IMPLICIT CONTENT OF A DIALOGIC UTTERANCE
IN THE LIGHT OF THINKING SEMANTIC FORMS**

Kudryashov Igor A., Doctor of Philological Sciences, Southern Federal University, 344006, Russia, Rostov-on-Don, 105/42 Bolshaya Sadovaya st., igalk@mail.ru

The article analyzes the implicit content, the carrier of which is a stimulating or reacting statement. This content belongs to the dialogic discourse as a whole, since the pragmatic condition for its existence is the use of an utterance in the context of a spontaneous dialogue. The implicitness of the utterance is characteristic of the dialogue, and the logical connections between the replicas of the dialogue are often not explicated, the meaning of the sounding utterance is the result of its semantic interaction with one of the subsequent or previous utterances.

Keywords: dialogic communication, implicitness, semantic forms of thinking

В настоящее время на основании фактов, накопленных лингвистикой в области структурно-семантического и прагматического изучения языковых единиц, предметом анализа всё чаще становятся диалогические явления, рассматриваемые в коммуникативном и дискурсивном аспекте. Высказыванию как коммуникативной единице может быть присуще не только эксплицитное содержание (Э), выраженное суммой морфологически оформленных и синтаксически организованных лексем. Оно может обладать также имплицитным содержанием (И), формально не выраженным, но воспринимаемым реципиентом. Имплицитное содержание высказывания называется также подтекстом, подразумеваемым, дополнительной информацией. Имплицитное содержание отдельного высказывания, имплицитная семантика, активируемая в результате объединения реплик в диалогической интеракции, на формальном уровне общения не выражается. Имплицитная семантика зависит от контекстуального фактора, реализуется от говорящего субъекта к воспринимающему собеседнику на основе явно выражаемых значений. Имплицитное содержание высказывания определяется его смыслом, т.е. способом осмысления ситуации. От характера отношений между ситуацией и смыслом, т.е. ситуацией и способом её осмысления, зависит наличие или отсутствие имплицитного содержания в высказывании. Если имплицитное содержание заключено в высказывании, то характер его выражения определяется отношениями между способом осмысления ситуации и языковой формой высказывания. Таким образом, имплицитное содержание высказывания задается способом осмысления отраженной в ней ситуации. Осмысление ситуации основывается на пресуппозиции высказывания, обязательно учитывает ее. Способ осмысления ситуации репрезентируется в языковой форме высказывания.

Ср.: (1) «Лукашин (смотрит на часы). ...Может быть, мне тоже сходить в баню? Марина Дмитриевна. Не вижу ничего плохого, если ты Новый год встретишь чистым!» [1, с. 7].

Эксплицитным содержанием второй реплики является побуждение к действию. Пресуппозиционные знания заключаются в том, что предмет вопроса и действие, относительно которого выражено побуждение, связаны условно-следственными отношениями: условием встречи нового года является предварительное посещение бани. Осмысливая эксплицитное содержание стимулирующей реплики, ее реципиент на основании сопоставления пресуппозиционных знаний с действительностью понимает ее содержание как согласие, которое и является в данном случае имплицитным содержанием реплики-высказывания. Так предварительно можно объяснить механизм восприятия скрытой информации или имплицитного содержания высказывания, реципиентом.

Имплицитное содержание будет воспринято релевантным образом, если собеседники в акте общения использованы одни и те же пресуппозиционные знания. Если привлекаются разные пресуппозиции, реципиент может «услышать» в высказывании то имплицитное содержание, которое адресант не вкладывал в него или, наоборот, может не понять имплицитное содержание обращенной к нему реплики. В общем случае для того, чтобы имплицитное содержание было воспринято реципиентом, оно должно содержаться в стимулирующем высказывании, т.е. говорящий субъект призван намеренно вложить его в свою реплику.

Представляется возможным объяснить рассматриваемое явление с позиций теории семантических форм, разработанной П.В. Чесноковым. В качестве инструментов семантического анализа используются понятия: денотат – смысл – имя. Денотат – это предмет, или референт. Имя – языковой знак предмета, или референта. Смысл имени – это способ, обозначения предмета, или референта. Может быть два имени, одинаковых по денотату, но разных по смыслу, например, Эльдар Рязанов и автор «Гаража». Отношения между предметом и именем являются отношениями именованности. Отношения между предметом и смыслом – это отношения объекта и того, как он понимается собеседниками, иначе говоря, отношение отражения объекта в сознании познающего субъекта. Отношения между именем и смыслом имени – это отношения выражения. Если понятия семантического анализа приложить к объектам коммуникативного синтаксиса, получим такие инструменты последнего: ситуация – смысл – высказывания.

П.В. Чесноков выделяет структурные типы семантических форм, среди которых:

- 1) степень расчленённости содержания при отражении действительности;
- 2) система отношений между компонентами мысли;
- 3) порядок следования компонентов мысли;
- 4) установление структурной границы между соотносенными компонентами мысли;
- 5) характер охвата отражаемого содержания [3].

Переход с эксплицитного уровня содержания высказывания на имплицитный в сознании реципиента может связываться с трансформацией семантических форм мышления. Если языковым формам, выражающим эксплицитное содержание высказывания, соответствуют одни семантические формы мышления, то на имплицитном уровне они могут сменяться другими семантическими формами. Тогда анализ имплицитного содержания высказывания в принципе может осуществляться по двум направлениям – с точки зрения выражаемых его языковых форм и с точки зрения особенностей соответствующих данным языковым формам семантических форм мышления, т.е. в двустороннем единстве диалогических категорий формы и содержания. Считая возможным постановку такой проблемы, покажем здесь лишь некоторые примеры использования понятия о семантических формах мышления для иллюстрации изменения семантических форм при переходе с эксплицитного уровня на имплицитный при восприятии содержательной стороны высказывания.

В анализе имплицитного содержания высказывания первый тип семантической формы «работает» следующим образом. Эксплицитное и имплицитное содержания различаются степенью конкретности, связанной со степенью расчлененности мысли. Если бы содержание можно было измерять в единицах счета, то можно было бы сказать, что количество единиц эксплицитного содержания высказывания равно числу высказываний. В сравнении с этим некоторые виды имплицитного содержания менее конкретны, т.к. содержат более общие значения «утверждения», «согласия», «несогласия», значение причинно-следственных отношений и т.д.

Степень расчленённости содержания на эксплицитном уровне может быть различной, что зависит от полноты наличия необходимых для выражения мысли языковых форм. При этом имплицитное утверждение и отрицание, будучи понятиями полярными, но принадлежащими одной «оси модальности», часто имеют одинаковые способы эксплицитного выражения, что позволяет рассматривать их параллельно.

Имплицитное нерасчленённое утверждение или отрицание может выражаться суждением с максимальной противопоставленностью всех использованных компонентов и, следовательно, с максимальной степенью расчленённости эксплицитно выраженной мысли. В этом случае весь объём эксплицитного содержания репрезентирует нерасчленённое имплицитное утверждение или отрицание:

(2) *«Лукашин. Но я не понял самого главного – ты согласилась или нет? Галя. Но я ведь взяла ключ... (= согласилась) [1, с. 15];*

(3) *«Лукашин. Вообще-то я непьющий... Звонок в дверь. (Быстро.) Не открывайте!.. На дня. Сразу не открыть – это хуже... (= открою) [1, с. 27];*

(4) *Лукашин. Я могу посидеть на лестнице, вы меня позовете, когда позвонят... Я могу вообще уйти, а вы, если вас не затруднит, поговорите с Галей и все ей объясните! На дня. Нет уж, дудки, объясняйтесь сами! (= не буду говорить) [1, с. 29];*

(5) *Лукашин. Почему я все время должен вас утешать? (Тихо.) Почему вы меня не утешаете? Мне хуже, чем вам. Вы хоть дома. На дня. Но ведь вы же во всем виноваты! (= не буду вас утешать) [1, с. 38].*

В приведённых примерах между воспринимаемым реципиентом эксплицитным содержанием и выводным из него имплицитным утверждением или отрицанием существуют условно-следственные отношения: если взяла ключ, значит согласилась; если сразу не открыть дверь, значит, будет хуже и т.д. При этом расчленённое эксплицитное и выводимое из него нерасчленённое имплицитное содержание различаются характером присутствующей в них такой семантической формы как степень расчленённости содержания, необходимая для завершения коммуникативного акта. Вместе с тем сама эксплицитная мысль может быть в меньшей степени расчленена за счёт отсутствия в высказывании некоторых языковых форм, которые, несмотря на своё отсутствие, участвуют в формировании имплицитного содержания таким образом, что передают своё значение оставшимся компонентам:

(6) *«– С питанием у него как? – Ношу. – А почему ты, а не Лунников? – От него не берёт. – А что от тебя берёт? – В обмен на вещи» [2, с. 149].*

Эксплицитное содержание: берёт в обмен на вещи, или берёт, но в обмен на вещи, лишённое максимальной противопоставленности компонентов за счёт пропуска первого из них *берёт*, но всё-таки расчленённое, репрезентирует нерасчленённое имплицитное утверждение в ответ на вопрос *А от тебя берёт?* Способ осмысления ситуации, или способ выведения имплицитного содержания из эксплицитного, тот же – связанность имплицитного с эксплицитным условно-следственными отношениями. Однако здесь способ выведения имплицитного содержания из эксплицитного при том же характере соотносительности разновидностей семантической формы мышления (расчленённое эксплицитное содержание – нерасчленённое имплицитное содержание) является иным: не сама по себе эксплицитно выраженная мысль всем своим объёмом репрезентирует имплицитное утверждение или имплицитное отрицание, как в первой группе примеров, а эксплицитно выраженная мысль содержит признак имплицитно утверждаемой предикации *в обмен на вещи*.

Одна из семантических форм мышления – степень расчленённости содержания при отражении действительности – имеет место в трёх способах выражения имплицитного утверждения или имплицитного отрицания, а именно когда:

1) нерасчленённое имплицитное утверждение или отрицание выражается полным объёмом эксплицитного содержания суждения с максимальной противопоставленностью компонентов и, следовательно, с максимальной степенью расчленённости мысли;

2) нерасчленённое имплицитное утверждение или отрицание выражается эксплицитным расчленённым содержанием суждения с неполным набором языковых форм, что обуславливает меньшую, чем в первом случае, расчленённость эксплицитного содержания;

3) расчленённое эксплицитное утверждение одного репрезентирует имплицитное нерасчленённое отрицание другого.

В заключение отметим, что с раскрытием сущности семантических форм связана мысль, непосредственно отвечающая специфике рассматриваемого здесь материала и высказанная в истолковании второго типа семантических форм мышления – по поводу системы отношений между компонентами, мысль о том, что за эксплицитно раскрытыми отношениями имплицитно выявляются необходимо связанные с ними другие отношения. Всё сказанное свидетельствует о возможности приложения понятия о семантических формах мышления в качестве объяснительной силы к исследованию природы и статуса имплицитного содержания высказывания.

Список литературы

1. Брагинский Э. Ирония судьбы, или с легким паром / Э. Брагинский, Э. Рязанов. – М. : Советский писатель, 1983. – 368 с.
2. Кожевников В. Щит и меч / В. Кожевников. – М. : Советский писатель, 1979. – 776 с.
3. Чесноков П. В. Семантические формы мышления и их параметры / П. В. Чесноков // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2007. – № 1–2. – С. 117–123.

References

1. Braginskij Je., Rjazanov Je. Ironija sud'by, ili s legkim parom. M.: Sovetskij pisatel', 1983. 368 p.
2. Kozhevnikov V. Shhit i mech. M.: Sovetskij pisatel', 1979. 776 p.
3. Chesnokov P. V. Semanticheskie formy myshlenija i ih parametry // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki, 2007, № 1–2, pp. 117–123.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-119-123

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Буянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, lub_prof@mail.ru

Гукасова Эра Михайловна, доцент, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, era-goukasova@mail.ru

В статье с этнокультурных, когнитивных, социоментальных и лингвоконфессиональных позиций анализируются особенности языковой концептуализации и репрезентации традиционных конфессионально-культурных ценностей в лингвокультурном пространстве различных социумов; выявляются и характеризуются константные и новейшие трансформации и модификации денотативно-смыслового содержания важнейших понятий в русской и европейской ментальности в современных условиях глобализации. Теоретическая значимость заключается в представлении резкого социокультурного «разрыва» в определении некоторых конфессионально обусловленных феноменов в русской и западной культурно-исторической традиции; в репрезентации ментально-смысловой трансформации некоторых конфессионально ценностных понятий в западном лингвокультурном пространстве с сохранением в то же время в неприкосновенности важнейших категориально-смысловых признаков номинаций традиционных аксиологических доминант в русской культуре как оснований жизни российского социума и российской государственности в целом.

Делается вывод о том, что языковая репрезентация конфессионально обусловленных культурных ценностей и закрепление их в конфессиональной памяти поколений представляет собой особый механизм сохранения этнокультурной и духовной идентичности народа. Показано, что «культурная» глобализация как экстралингвистический фактор представляет собой в настоящее время в западных социумах процесс постепенного разрушения национально-традиционных и конфессиональных ценностей, результатом чего является существенное изменение семантики, денотативного образа и смыслового кода в интерпретации некоторых языковых феноменов, репрезентирующих национальный аксиологический фонд.

Практическая ценность изложенного материала и наблюдений состоит в возможности его применения в практике преподавания вузовских курсов по теории языка, этнолингвистике, социоллингвистике, лингвокультурологии, лингвоконфессиологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: языковая репрезентация, традиционные и конфессиональные ценности, трансформация, языковая концептуализация, глобализация, лингвокультурное пространство, социокультурный «разрыв», лингвоконфессиональная идентичность народа